

ДАНИЭЛА
СТИЛ

Драгоценные дары

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Серия «Миры Даниэлы»

Danielle Steel
PRECIOUS GIFTS

Перевод с английского *У.В. Сапциной*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates и Prava I Prevodi International
Literary Agency.

Стил, Даниэла.
С80 Драгоценные дары : [роман] / Даниэла Стил ;
[пер. с англ. У. В. Сапциной]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2017. — 352 с. — (Миры Даниэлы).

ISBN 978-5-17-102102-3

Деньги не принесли счастья богатой наследнице Ве-
ронике: бывший муж, любовь всей ее жизни, умер, дочери
выросли и разлетелись по свету, она одинока и решила, что
жизнь ее кончена. Однако случай свел ее с фотографом Эй-
даном, и эта встреча изменила все. Веронике начинает ка-
заться, что для нее еще не все потеряно.

Но не призрачны ли надежды Вероники? Ведь они с
Эйданом совершенно разные, и выбора матери не прини-
мают даже дочери...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Danielle Steel, 2015
© Перевод. У.В. Сапцина, 2016
ISBN 978-5-17-102102-3 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

*Моим чудесным и любящим детям Бити,
Тревору, Тодду, Нику, Сэм, Виктории,
Ванессе, Максу и Заре: вы — самые яркие
звезды моих небес, моя надежда и мои
мечты, мои самые дорогие воспоминания,
мой источник любви и радости, вы — мое
счастье... и моя жизнь.*

Со всей душой и любовью, мама (Д.С.)

*И Джону —
за наших чудесных детей, счастливые
годы, лучшие годы моей жизни, за вос-
поминания, которыми я буду дорожить
вечно, и за многочисленные дары.*

Со всей моей любовью, Олив

Глава 1

Тимми Паркер сидела за письменным столом, подложив под себя ногу. В разгар утренней суматохи она перехватила резинкой длинные светлые волосы, и к полудню в них уже были заткнуты четыре карандаша и ручка. На Тимми были наброшенная поверх майки чистая, но мятая клетчатая рубашка с закатанными рукавами, рваные джинсы и высокие конверсы. И ни следа макияжа. Длинное и гибкое стройное тело она унаследовала от отца. Без каблуков ее рост составлял шесть футов, к своим двадцати девяти годам она успела получить в Колумбийском университете диплом магистра в области социальной помощи. И теперь трудилась в фонде, задачей которого было находить бесплатное или недорогое жилье для достойных кандидатов из числа бездомных Нью-Йорка, поэтому и сидела за своим письменным столом с шести утра, пытаясь наверстать упущенное. На столе горой громоздились папки. Тимми хотелось бы найти жилье для всех нуждающихся до единого, но она знала: если ей повезет и если она не оставит попытки достучаться до госучреждений, пользуясь всеми доступными ей средствами, тогда у одного-двух достойных кандидатов появится жилье. Определением «достойный» в фонде пользовались для обозначения наиболее нуждающихся.

Стоял изнурительно жаркий июльский день, а кондиционер в офисе, как обычно, отказывался работать. Тимми уже поняла: сегодня один из тех дней, когда все идет наперекосяк, и значит, ей предстоит сообщить плохие вести очередным отчаявшимся подопечным. Жестокие разочарования были постоянным элементом ее работы. Она жила в состоянии неперестанного возмущения тем, как несправедливо устроен мир и насколько неэффективны ее попытки облегчить участь клиентов. Оказанием помощи бездомным она страстно увлеклась еще в юности и была отзывчивой и преданной своему делу, но вечно негодовала по тому или иному поводу. В юности, встретившись с родными за ужином, она часто раздражалась длинными монологами о социальных проблемах и потратила уже немало лет на попытки хоть что-нибудь изменить. И что самое главное, Тимми Паркер была не из тех, кто легко сдается: она неутомимо трудилась на благо тех, кому служила. Своих подопечных она не бросала даже после того, как для них находилось жилье. Потому что, поселившись в малогабаритной муниципальной квартире, они оказывались в изоляции, лишались привычной системы помощи, на которую полагались, пока бродяжничали, и тогда угроза одиночества, отчаяния и суицида вставала перед ними в полный рост.

Тимми переполняли идеи о том, как сделать работу фонда более эффективной, но на их осуществление вечно не хватало ни денег, ни рабочих рук. В условиях экономического кризиса программы по преодолению бедности сокращали, средства частных фондов таяли на глазах, а правительство об этом и слушать не желало. Порой Тимми казалось, что она пытается вычерпать океан наперстком, особенно когда видела, как ускользают, словно песок между пальцев, люди, зря

прождавшие больше года мест в бесплатной программе лечения от наркомании или в очереди на жилье. Женщинам на улицах жилось тяжелее, чем мужчинам, и они же чаще становились жертвами насилия в приютах. Ежедневно перед глазами Тимми проходила масса бюрократической макулатуры, которую она прилежно заполняла, пытаясь выбить нуждающимся пособие по инвалидности или помогая получить удостоверение личности. Подростки вызывали у нее особенно острое сочувствие, но, с другой стороны, их было легче пристроить в какую-нибудь городскую молодежную программу, вдобавок они проявляли больше изобретательности, если приходилось выживать на улице. В этот день до полудня Тимми уже успела встретиться с шестью клиентами, и на послеобеденное время у нее было запланировано вдвое больше встреч. Она редко покидала офис раньше восьми-деяти часов вечера, а иногда засиживалась и до полуночи, и постоянно являлась на свое место задолго до начала рабочего дня. Работа была ее жизнью, и ни о чем другом она не мечтала.

Учась в аспирантуре, Тимми жила с парнем, который изменил ей с ее лучшей подругой. Потом была помолвлена с другим, который тоже изменял ей, но, к счастью, с незнакомой ей женщиной. Тимми порвала и с ним, с тех пор отдавала всю свою любовь, страсть и силы только работе и последние два года ни с кем не встречалась. Она часто повторяла, что женщины в ее семье несчастливы в любви. Ее младшая сестра Джульетта питала неизменную слабость к неудачникам. Они усаживались к ней на шею, пользуясь ее мягкостью и добротой, вытягивали из нее все, что могли, и в конце концов бросали ради другой. И удивлялась этому лишь сама Джульетта, которая вначале

месяцами оплакивала потерю, а потом находила новую любовь, ничем не лучше прежней.

Мать сестер, Вероника, все двадцать лет после развода продолжала любить и поддерживать их отца, обаятельного красавца и опять-таки изменника. Она узнала, что муж изменял ей на протяжении всех лет брака, последней его пассией стала двадцатитрехлетняя супермодель. Он и после развода не перестал менять юных красоток как перчатки, а Вероника не уставала оправдывать его, объясняя дочерям, что «такой уж он человек, ваш отец». Тимми слишком хорошо знала, что представляет собой их отец, и пришла к выводу, что все мужчины одинаковы: обаятельные и зачастую симпатичные, они крайне редко оказываются честными и обычно изменяют женщинам, лгут им и используют их. По этой причине Тимми никогда не была дружна с отцом и ужаснулась, когда обнаружила, что ее мужчины ведут себя в точности как он, хоть он и превосходит их обаянием и внешностью и вдобавок в совершенстве владеет искусством обольщения. Немногим женщинам удавалось не поддаться его чарам. Ему не составило бы труда уговорить даже птицу спуститься с дерева, и за это Тимми ненавидела отца. Она терпеть не могла обаятельных обольстителей, а мать и сестра упрекали Тимми за то, что ненависть ее распространяется на всех мужчин без разбору. «Не на всех, — возражала она, — только на изменников и лжецов». Но к ней, увы, тянулись именно такие. И она сразу начинала подозревать неладное, как только кто-нибудь пытался ухаживать за ней.

Только младшая сестра Тимми, Джой, избежала общей участи. Она всегда считалась любимицей отца, потому что была красива и поразительно похожа на мать, сохранившую красоту даже в ее пятьдесят два

года. У Джой, как и у Вероники, волосы были густыми и темными, кожа — белой и гладкой, как фарфор, глаза — оттенка фиалок, только Джой выросла выше матери ростом и, учась в колледже, подрабатывала моделью. С тех пор, как она научилась говорить, ей легко удавалось обводить отца вокруг пальчика и добиваться от него всего, чего ей хотелось, а остальных членов семьи она держала на расстоянии. Джой старательно оберегала свою независимость и сторонилась не только родных, но и мужчин, и нетрудно было догадаться, что она боится сердечных ран. Если у нее и завязывались отношения, то с мужчинами, живущими на другом конце страны или так же поглощенными своей карьерой, как и сама Джой, — словом, с теми, с кем было легко избежать сближения. Ею восхищались, ее обожали, но по-настоящему близких друзей у нее не было.

Тимми часто подчеркивала, что никто из них, трех сестер, не состоял в длительных и прочных отношениях, и приписывала это обстоятельство «семейному проклятию». Она считала, что отец обрек их на роковое влечение к мужчинам, не заслуживающим доверия. Эту черту своей натуры она так и не смогла изменить и больше не предпринимала попыток. Ей и без того хватало забот, и поискам жилья для своих подопечных она придавала гораздо больше значения, чем знакомству с мужчиной.

В промежутке между визитами клиентов на столе Тимми настойчиво зазвонил телефон, а ей пора было принять очередного посетителя. Она уже подумывала переключиться на голосовую почту, но, поскольку не хотела пропустить звонок какого-нибудь подопечного, попавшего в беду, или агентства по недвижимости из тех, с которыми сегодня утром связывалась по телефону и электронной почте, решила ответить.

— Тимми Паркер, — коротко и официально представилась она. У нее было доброе сердце, о чем свидетельствовала ее работа, но никто не назвал бы ее милой и дружелюбной.

— Привет, Тимми, это Арнольд, — ответили ей, и по спине Тимми пробежал холодок. Голос на другом конце провода она узнала моментально. Арнольд Сэндс был адвокатом и близким другом ее отца, Тимми знала его с детства. Весь прошлый год отец тяжело болел, никак не мог оправиться после инсульта и был помещен в дом престарелых. Две недели назад, когда Тимми навещала его, он то приходил в себя, то снова впадал в беспамятство, а она молча смотрела на него и держала за руку. Левую сторону его тела парализовало, он, казалось, уменьшился в размерах, и было нестерпимо больно видеть его таким. Всю жизнь он был полон сил, бодр и весел, и выглядел гораздо моложе своих лет, пока с ним не случился инсульт. Весь прошлый год он постепенно старел до своих восьмидесяти. Тимми долгие годы не одобряла поступки отца, но все равно ее утешала мысль, что он у нее есть, вдобавок она втайне надеялась, что когда-нибудь все изменится, их отношения наладятся, и он, как по волшебству, превратится в человека, которому Тимми могла бы доверять. Поддержки от него никогда не видели ни сама Тимми, ни ее мать, ни ее сестры. Но мать простила его за это, а Тимми так и не смогла.

— Ты извини, что звоню тебе на работу, — Арнольд говорил серьезным тоном, и Тимми сразу поняла, что услышит дальше.

— Папа?..

— Прошлой ночью он тихо угас.

Все они знали, что это неизбежно, но не думали, что это надолго затянется. Джульетта навещала отца

несколько раз в неделю, Джой последние два месяца не виделась с ним — она жила в Лос-Анджелесе, была занята, и, кажется, ей было просто невыносимо видеть его в таком состоянии. Поэтому она и делала все возможное, чтобы избежать визитов. Тимми ездила проведать отца каждые несколько недель, хотя эти поездки давались ей нелегко. Их мать виделась с бывшим мужем месяц назад, в июне, перед отъездом на юг Франции, где она сняла на два месяца дом возле Сен-Тропе. Прежде чем уехать, она провела весь день с Полом, а потом призналась Тимми, что, кажется, видела его в последний раз, но, к счастью, успела сказать ему все, что хотела. Вероника умолчала лишь о том, что Пол просил у нее прощения за то, что был никудышным мужем и даже другом, и она уехала успокоенная. В сущности, она смирилась еще много лет назад. Двадцать лет, прошедшие после развода, — немалый срок, а Вероника не была злопамятной. Она не держала обиды ни на то, что ее брак распался, ни на причины, по которым это произошло, ни даже на то, что ей пришлось выплатить бывшему мужу огромные отступные, которые он с тех пор проматывал на других женщин, собственные дорогостоящие привычки и избыточную роскошь. Эти выплаты не ухудшили финансового положения Вероники и ее дочерей. Мать обеспечивала их, отец — никогда.

— Мама уже знает? — тихо спросила Тимми. Этого известия она ждала и знала, что рано или поздно получит его, но не думала, что именно в этот день. Предсказать, когда все будет кончено, в точности не смог бы никто.

— Я решил сообщить тебе первой. Не знаю, захочешь ли ты сама связаться с матерью и сестрами. Возможно, она пожелает сама все уладить, — отчетливо выговорил он.

После развода с Вероникой, с которой отец сохранил дружеские отношения, в его жизни постоянных женщин больше не появлялось. Зато сменилась целая вереница девушек, в том числе моложе его дочерей, но все они разбежались сразу же, как он заболел. Пол не встречался с женщинами, способными оказать поддержку в трудную минуту, когда он был уже не в состоянии выписывать им чеки. Но вплоть до восьмидесяти лет его личная жизнь была бурной, и женщины по-прежнему теряли от него голову, как Вероника, когда ей было двадцать один год, а ему — сорок девять. Устоять против его красоты, обаяния и изысканности было почти невозможно. Даже медсестры в доме престарелых наперебой сплетничали о том, какой он видный мужчина. Тимми унаследовала внешность отца, но больше ничем не походила на него: она выросла серьезной, верной, трудолюбивой и надежной.

— Я позвоню маме часа через два, — деловито решила Тимми. — Сначала мне надо встретиться с двумя клиентами. Вы сможете позвонить моим сестрам? Они ожидают этого известия, так что оно не застанет их врасплох.

Но себе она призналась, что ей невыносимо грустно. Отца, который, в сущности, никогда и не был им отцом, не стало. Тимми поймала себя на мысли о том, что испытывает к случившемуся смешанные чувства, в том числе и боль утраты, которую, как она знала наверняка, ощутят и ее сестры. Их матери придется нелегко. Хоть отец и был главой семьи лишь формально, Вероника любила его на протяжении тридцати одного года — как мужа, брата, друга. В последние годы Пол почти заменил бывшей жене отца, он и в самом деле по возрасту годился ей в отцы. А она питала к нему явно материнские чувства, особенно с тех пор, как он

заболел. Отношения родителей Тимми так и не сумела понять. Они казались ей мучительно-неуместными, особенно для матери, но родители, по-видимому, ничего не имели против.

Им было тяжело, когда откровенный роман Пола со знаменитой моделью положил конец его браку с Вероникой. Потом стало еще хуже — когда Вероника узнала, что роман с моделью у ее мужа был не первым. Но после развода она почему-то простила его, они стали друзьями, и эти дружеские узы оказались гораздо прочнее брачных. Вероника говорила, что пошла на это ради детей. Но Тимми всегда казалось, что родители продолжали общаться только потому, что испытывали потребность друг в друге.

— Я предупрежу твоих сестер, чтобы не звонили матери, пока не получат известие от тебя, — со вздохом произнес Арнольд. Он знал, что будет скучать по давнему другу, как скучал весь прошлый год, с тех пор, как после инсульта Пол остался инвалидом, вдруг постарел и перестал быть похожим на прежнего себя.

— Спасибо, Арнольд, — тихо сказала Тимми. — Буду держать тебя в курсе.

Повесив трубку, некоторое время она сидела неподвижно, глядя в окно на унылую улицу нижнего Гарлема, где находился офис фонда. Возле пожарной колонки играли дети. Мысленно Тимми вернулась в прошлое, вспомнила, как в детстве считала отца кумиром — до того самого дня, когда после развода он, в сущности, исчез из ее жизни.

Когда родители развелись, ей было девять. Памятные моменты случались и потом — во время каникул и эпизодических, но всегда эффектных появлений отца на днях рождения или праздновании Рождества. Он казался прекрасной птицей в полете во всем вели-

колепии оперения. Поймать его было немыслимо — разве что полюбоваться им мельком, прежде чем он вновь скроется из виду и невозможно будет предугадать, когда ему заблагорассудится появиться вновь. Он был воплощением нарциссизма, при этом неплохим, вот только предельно эгоцентричным человеком и никудышным отцом. За его грехи пришлось расплачиваться детям: Тимми — глубоко укоренившимся недоверием к мужчинам, похожим на отца, и вместе с тем — подсознательным влечением к мужчинам того же типа, Джульетте — тем, что она всякий раз влюблялась в неудачников и потребителей, а Джой — боязнь разочарований и того, что ее бросят, из-за чего она избегала какой бы то ни было привязанности. Впрочем, Джой была еще очень молода и вполне могла измениться. А Тимми уже убедилась, что с ней самой и Джульеттой это вряд ли произойдет. Жребий брошен, их привычки и убеждения уже устоялись. Теперь меняться будет слишком трудно.

Тимми поднялась и обошла вокруг стола, чтобы открыть дверь кабинета. В приемной ждали встречи с ней двое посетителей. Тимми улыбнулась обоим, попросила мужчину немного подождать, а женщину пригласила войти. Посетительница была моложе Тимми, со свалывшимися, как войлок, волосами и без зубов. На улицах она жила уже три года и с давних пор имела дело с наркотиками. Трех ее детей воспитывали приемные родители, все имущество посетительницы было у нее при себе — грязный спальный мешок и два пакета для мусора, набитые одеждой. Она дожидалась, когда освободится место для участия в программе лечения от наркомании, но Тимми нечем было порадовать ее. Работу по программе прекратили, и теперь посетительнице предстояло начинать все заново

где-нибудь в другом месте — вставить в самый хвост очереди и ждать еще года два. Положение казалось безнадежным.

Тимми села за стол и принялась объяснять посетительнице, как обстоит дело. При этом она думала об отце и о том, какой нелепой, эгоистично и впустую потраченной выглядит его жизнь в сравнении с жизнью ее клиентов. Он ни разу пальцем о палец не ударил ради другого человека — кроме, пожалуй, женщин, с которыми встречался, да и то недолго, и самого себя. Он вел жизнь законченного сибарита, потакал всем своим желаниям, и отчасти именно поэтому Тимми работала так усердно. Повзрослев, она отчетливо осознала, что ни в коем случае не хочет стать хоть чем-нибудь похожей на отца. Так и получилось, и вот теперь ее отца не стало... Она вновь сосредоточилась мыслями на посетительнице и попыталась забыть об отце хотя бы на час-другой, пока не придет время позвонить маме и сообщать, что Пол умер. Тимми, как старшей из трех дочерей Вероники, всегда доставались самые трудные задачи: Джульетта ни за что не справилась бы с ними, а Джой отказывалась даже пытаться, поселившись вдали от родных в Лос-Анджелесе.

Звонок Арнольда застал Джульетту в ее маленькой булочной, расположенной в Парк-Слоуп — одном из районов Бруклина. Ежедневный обеденный наплыв посетителей был в разгаре. Булочная «Кухня Джульетты», в которой, кроме выпечки, продавались и сэндвичи, пользовалась популярностью все три года, прошедшие с момента ее открытия. По настоянию матери Джульетта специализировалась на истории искусств и получила диплом магистра в Сорбонне — только чтобы обнаружить некоторое время спустя, посещая